

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Карл Брюллов
незадолго до смерти
сделал молодому
художнику необычный
подарок, круто
изменивший жизнь
и будущее многих
поколений...

Юлия АЛЕЙНИКОВА

**Прощальный подарок
Карла Брюллова**

Артефакт & Детектив

Юлия Алейникова

**Прощальный подарок
Карла Брюллова**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алейникова Ю. В.

Прощальный подарок Карла Брюллова / Ю. В. Алейникова —
«Эксмо», 2020 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-108428-8

В далеком 1849 году незадолго до смерти великий Карл Брюллов подарил своему бывшему соученику по Академии художеств Афанасию Пичугину некий портрет, круто изменивший судьбу его потомков. Шли годы, менялись поколения, а портрет оставался благословением и проклятием семьи... В наши дни в своей квартире в центре Петербурга найден мертвым старый художник Михаил Андреевич Пичугин. Что это было, убийство или попытка ограбления? Как глубоко во времени уходит нить этого преступления? Раскрыть семейную тайну Пичугиных предстоит молодому сотруднику следственного отдела Никите Борисову...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108428-8

© Алейникова Ю. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юлия Алейникова
Прощальный подарок Карла Брюллова

© Алейникова Ю., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Пролог

Апрель 1849 года, Санкт-Петербург

Задувало с Невы, ох, задувало. Плохонькое пальтишко Афанасия Ивановича никак не могло спасти от этого сырого пронзительного ветра, мчавшегося по речному простору с весенней удалью. И стонали, поскрипывая, корабельные мачты, и ежились прохожие, и, придерживая картузы и шляпы, спешили свернуть в улицы и переулки, и бились о гранитный парапет сине-стальные воды, и брызги летели вверх, подхватываемые ветром. И яркое весеннее солнце слепило глаза, лаская теплым лучом нос и щеки. И радостно должно было становиться на душе от этого весеннего буйства, да вот не становилось.

В глазах Афанасия Ивановича, казалось, навсегда застыло выражение горечи и обиды.

Подходя к зданию Академии художеств, к alma mater можно сказать, только что не сплюнул от досады. Да, пока учился в ней, бедствовал, но мечтал, вот учится, станет художником, пойдут заказы, прославится... Куда там!

Видно, так уж на роду написано. Бедный все беднеет. Неудачнику от рождения прописано тяжкий крест нести и не роптать. Ладно бы еще один был, уж концы с концами худо-бедно свел бы. Так ведь нет.

Едва Академию закончил, на радостях женился, да еще и выгодным женихом себя вообразил.

Уленька – душенька, голубка кроткая, ни разу его ни в чем не упрекнула. Сперва-то он все еще заказов ожидал, клиентов состоятельных, портреты мечтал писать вельмож да купцов зажиточных, а ему больше чем вывеску намалевать или там журналичко второсортный оформить и не предлагали ничего. А он, Афанасий, по первости еще ерепенился, как же, выпускник Академии! А через полгода, когда за квартиру платить стало нечем, любой малости радоваться стал.

С тех пор так и живут, перебиваются, чем Бог послал. На казенную службу не устроится, связи нужны. Заказчиков богатых откуда ж взять? А тут еще и детишек Бог послал. Три дочки, Вера, Надя и Любочка, и сын Михаил, младшенький. Болеет сейчас маленький, доктора надо, лекарства, а в доме шаром покати, копейки нет. Хозяин грозит с квартиры выгнать, это с детьми-то. Приходится для его дрянного трактиришки меню рисовать. И ладно бы за деньги, а то просто чтобы с долгом подождал да с квартиры не выгнал. А меню-то какие выходят, таких небось и в наилучших ресторациях не увидишь. А хозяин-разбойник нет чтоб отблагодарить, ругается да грозит. Да и то, чего ему не грозить, если Афанасий Иванович перед ним, аки гнида какая, жметесь да кланяетесь.

Налетел сильный, злой порыв ветра, словно кулаком толкнув тонкую фигуру художника. Вот и природа супротив него.

Повыше поднимая вытертый воротник, продолжал стенать про себя бедолага. Только что и спасения что благодетель Карл Павлович, кабы не он, так давно уже ноги протянул бы. А он, Великий, не гнушается и денежкой одолжит без возврата, с чего отдавать-то? И накормит когда, а когда из вещей своих поднесет на бедность. Шубу, абы пальто, а то рубашек полотняных. Им, сирьм, и это счастье.

А ему что? Так, пустяк. На весь мир прославился, император к нему в мастерскую запросто приезжает. Сказывают, много лет уговаривал портрет написать, а Брюллов ни в какую, и ничего, сошло с рук. Собор Исаакиевский расписывать доверили, не без зависти размышлял Афанасий Иванович.

Правда, болеет Великий, сильно болеет, даже государь согласился отпустить незаменимого Карла на лечение на Мадейру, а ведь он столько лет рвался в любимую Италию, и все напрасно.

Страдал Карл Павлович в сыром климате Петербурга. Не радовало его пасмурное низкое небо, рвался всей душой в цветущую Италию. А вот Афанасию Ивановичу не довелось нигде побывать, не хватило ему таланта, чтобы претендовать на пенсионерскую поездку за границу.

Ну, вот и подъезд. Постоять, дыхание перевести. Коляски вон у подъезда. Небожь опять полон дом народа. Ученики, приятели, подпевалы, знаменитости разные, а у Афанасия Ивановича дело такое деликатное.

Краснея заранее от стыда, мялся он, собираясь с силами, чтобы позвонить в колокольчик. И лакей у Брюллова Лукьян строгий, взглянет из-под бровей, аж душа в пятки. Да куда ж деваться? Мишенька болеет.

К удивлению Афанасия Ивановича, в мастерской было пусто. Из гостиной доносились голоса, а вот в мастерской, куда его Лукьян привел, ни души.

Он присел робко на стульчик у двери, зябко ежась, потирая замерзшие ладони. Апрель был переменчив, то дождик, то солнышко, то ветер сырой, до костей пробирающий, зябко.

– А, Афанасий, друг сердечный! – услышал над собой густой, мягкий голос Афанасий Иванович и тут же подскочил, раболепно кланяясь, просительно улыбаясь.

Но Карл Павлович обнял его как равного, похлопал по плечу.

– Что, брат, опять туго? – спросил, улыбаясь и с грустью разглядывая худое, источенное заботами лицо старого приятеля.

– Да уж, Карл Павлович, совсем нужда замутила, кабы не крайние обстоятельства... – всхлинул малодушно от такой участливости Афанасий Иванович.

Сам Брюллов выглядел ужасно. Худой, почти изможденный, неопрятная прическа, одет в старый халат, сверху какой-то платок намотан. И все время кашляет, так что сотрясается весь. Ужас, да и только.

– А меня, Афанасий, на Мадейру посылают, лечиться. Слыхал небожь?

– А как же, – угодливо покивал Афанасий Иванович. – Вам на солнышке погреться очень даже необходимо, а там здоровым да полным сил к нам вернетесь.

– Нет, Афанасий, не вернусь я уже. Умирать еду, – просто, без всякой рисовки заявил Брюллов, опускаясь в кресло. – Так-то вот. А что же мне с тобою делать? – тут же встряхнулся он, отгоняя печальные мысли. – Не будет меня в Петербурге, кто ж выручит? А?

– Уж и не знаю, Карл Павлович. Мне бы службишку какую? Чтоб с жалованьем? – с надеждой проговорил Афанасий Иванович, но Великий, казалось, его не слышит.

– Вот что, Афанасий, – вставая и задумчиво бродя по мастерской, проговорил Карл Павлович, – возьми-ка пока сто рублей, авось на первое время хватит, а еще штуковина у меня одна... Подарю тебе, авось, выручит... да и терять тебе уже нечего, – бормотал он, сунув в руку одуревшего от счастья Афанасия Ивановича ассигнации.

Шутка ли, такие деньги!

Карл Павлович тем временем что-то настойчиво искал в углу мастерской.

– Тут она, точно знаю. Если бы потерял где, тогда бы он... Да нет. Здесь, определенно здесь. Ага, вот она, – вытаскивая из вороха старых холстов, подрамников и прочего художественного скарба небольшую, замотанную плотно в старую холстину раму. – Сейчас, погоди, дружище. Сейчас... – озабоченно бормотал Карл Павлович, освобождая свою находку из пыльного плена.

Это был небольшой портрет, размером с развернутую книгу, темный, грязный, а с портрета на Афанасия Ивановича глянул, вот именно глянул, препротивный старикашка. Неряшливый, оборванный, с вислым крючковатым носом и мерзкими рыскающими глазками. В костистых чумазных пальцах он сжимал мешочек с деньгами. С первого взгляда на портрет было ясно, какого рода человек перед вами.

Портрет был написан бездарно, и только мерзкие шныряющие глазки по-настоящему удались художнику, и именно они вызывали непреодолимое отвращение к портрету, едва взглянув на него, тут же хотелось отвернуться.

– Что это? – брезгливо сморщив нос, спросил из вежливости Афанасий Иванович, сам бы он написал старика не в пример лучше.

– Это мой подарок, – просто сказал Брюллов, протягивая Афанасию Ивановичу картину. – Да ты погоди, выслушай сперва! – воскликнул Великий, предупреждая готовые сорваться с языка приятеля слова. – Картинка эта, конечно, так. Мазня. Но дело не в том. Я сейчас тебе расскажу кое-что, а ты послушай.

Карл Павлович снова тяжело опустился в кресло, заходясь сухим мучительным кашлем. В мастерскую заглянул Лукьян, да Брюллов отмахнулся, уйди, мол.

– Так вот, – переждав приступ кашля, продолжил Карл Павлович. – Это было в Италии в тысяча восемьсот двадцать девятом году. Мои отношения с Обществом поощрения художников, которое вместо Академии взялось оплатить мою поездку в Европу, на тот момент окончательно разладились, я остался практически без средств, зато свободный от всяких обязательств. – На лице художника при воспоминаниях об этом благословенном времени заиграла легкая, мечтательная улыбка. – Тогда я еще не достиг сколько-нибудь широкой известности, средств на жизнь не хватало, я много работал. О, сколько вдохновения, сколько сил, идей, замыслов бурлило во мне... Но я не об этом, – сам себя прервал Карл Павлович. – Однажды я делал акварельные наброски в окрестностях одной живописной деревушки около Рима и не заметил, как пристроился у меня за спиной на камне один колоритный синьор. Старый уже, на вид лет сто, совершенно белые волосы, но еще густые, крупными такими локонами, с бородкой благообразной и одет прилично, в бархатную куртку, хорошие сапоги, а шляпы вовсе нет, и смотрит, как я работаю. Да смотрит так это, с пониманием, с прищуром. Словно оценивает. Поздоровались, разговорились. Оказалось, что я не ошибся. Старичок оказался художником, в свое время очень популярным в Италии, но, по его собственному признанию, удачливости в его творчестве было больше, чем таланта. На старости лет он переехал в деревню, ту самую, возле которой мы и повстречались. У него был свой дом, небольшой, но очень уютный, с красивым просторным садом и восхитительным видом на окрестности. Жена его уже умерла, дети жили своими семьями, а за ним ухаживала немолодая служанка, которой ко времени нашей встречи было уже не меньше пятидесяти лет.

Старик пригласил меня в гости, угостил отменным вином. Мы разговорились. Несмотря на возраст, у него был ясный пылкий ум, он живо интересовался всеми модными течениями в искусстве. Одобрил мои акварели, пожелал взглянуть на другие мои работы. Как-то незаметно наш разговор перешел на Россию, на возможности для художника в нашей стране, и как-то невзначай коснулся Общества поощрения художников и моего расставания с ним. Мой новый знакомец был так внимателен и добр, что я разговорился и под действием вина, очевидно, пожаловался ему на финансовые затруднения. После этого он и принес мне этот портрет. Прежде чем подарить его, он сказал, что оставил своим детям неплохое состояние, никто из них не унаследовал художественных талантов. Зато все они твердо стоят на ногах, имея приличные доходы, а потому он без всякого сожаления расстаётся с этой вещью. Сперва я подумал, что он хочет подарить мне одну из своих работ, к моему сожалению, весьма бездарную, но оказалось, что я ошибаюсь. Кто написал эту картину – неизвестно, к моему знакомцу она попала случайно, он купил ее в далекой молодости, когда распродавали вещи одного умершего художника. Купил за бесценок, по случайности, не предполагая, что именно попало ему в руки.

Афанасий Иванович еще раз внимательно, с интересом взглянул на холст. И снова не смог разглядеть в нем ничего примечательного.

– Старый художник сказал, что этот портрет имеет мистическое происхождение, и именно он помог ему достичь благополучия и добиться успеха. Но с горечью добавил, что за успех в обществе ему пришлось заплатить теми крохами таланта, что оделила его природа. Мне такая опасность, по его мнению, не грозила, мой талант должен был справиться с искушением портрета. Но все же он предупредил, владеть портретом значит бороться с искушением. Мне недолго осталось жить, и, думаю, могу по праву сказать, я победил искушение, всего добился сам, – гордо вскинув голову, проговорил Карл Павлович, но тут же смущенно улыбнулся и ласково взглянул на Афанасия Ивановича: – Ну а тебя жизнь довела до такой черты, что не то что талант, сам ты стоишь на пороге гибели, а потому без опасения вручаю тебе этот портрет. Владей. Но будь осторожен.

– Да что же мне с ним делать? – воскликнул вконец запутавшийся Афанасий Иванович.

– Просто возьми его домой и пообещай никому не выбросить, не продать, не подарить. Дай слово.

– Даю, – легко кивнул Афанасий Иванович, все еще сжимавший в ладони подаренные Брюлловым сто рублей.

– Ну, вот и ладно. А теперь прощай, друг. Более уж не свидимся. – И, обняв Афанасия Ивановича, расцеловал.

В дверях мастерской Афанасий Иванович столкнулся нос к носу с Платошкой Коробковым. Наипротивнейший тип, надо доложить. Человечико рода не знатного, талантами не одаренный, состояния не имеющий, умом большим тоже не блещет, а вот втерся же к Великому, да и в других приличных домах бывает, и не только у художников. Говорун, болтун, скоморох балаганный, а когда хозяйева, да и гости под хмельком начнут то карикатуры рисовать, то вириши экспромтом, ежели в гостях у литератора засядут, а то, может, романсик какой, так вот он это все подбирает, все листочки соберет и продаст.

Гениш они что? Сотворят в порыве вдохновения и забудут, а он с этого кормится. Вор и подлец.

Афанасий Иванович, при всем своем бедственном положении, никогда до такой низости не опускался. А потому сейчас явление Платошки и вовсе проигнорировал, прошествовал мимо, словом не удостоив.

Быстрей к себе, домой! К Уленьке, к Мишеньке, к дочкам. По пути в лавку забежать, еды купить, детишкам гостинцев, со ста-то рублей можно. Доктора к Мишеньке позвать, с хозяином – шельмой бесстыжей за квартиру рассчитаться...

По пути домой Афанасий Иванович забежал в лавку, купил всякой снеди, детишкам гостинцев, по дороге заглянул к доктору, нижайше просил прийти и заплатил за визит сразу. Отчего доктор прибыл незамедлительно.

Когда Афанасий Иванович с доктором поднялись в квартиру, Мишеньке было совсем плохо. Уленька, бледная, измученная беспокойством и бессонной ночью, сидела у его кровати, промокая лобик. Девочки тихие, бледные, похожие на чахлые, выросшие без солнечного света растеньица, сидели на стареньком вытертом диване, перебирая на коленях какие-то старые тряпицы. Ни шумливости, ни игр, за братика переживают.

Портрет он впопыхах в комнате за шкаф сунул да тут же про него и забыл.

Доктор Мишеньку осмотрел, прописал порошки, питание полноценное, бульоны. У Уленьки от этих слов на глаза слезы навернулись. Где ж их взять, бульоны-то эти?

Но Афанасий Иванович погладил ее по плечу, мол, ничего, ничего, будут и бульоны. А когда доктор ушел, сгонял в аптеку за углом. А заодно в подвальчик соседний, купил бутылочку дешевого кислого винишка, выпить за здоровье благодетеля Карла Павловича Брюллова.

Жар у Мишеньки к ночи отступил. Заснул Афанасий Иванович быстро, легко, сегодня день прожили, и слава богу, а завтра надо будет первым делом за квартиру заплатить, пока

этот клещ Кузьма Потапович квартального не привел. С тем и заснул. На сытый-то живот да после бутылочки кому ж не заснется?

А ночью вдруг его стук какой-то разбудил. Да так, что Афанасий Иванович, в секунду проснувшись, на кровати подпрыгнул. Смотрит вокруг, таращится в темноту, ничего понять не может. В доме тишина, только тараканы за обоями потрескивают. Уленька рядом спит. Личико ее даже во сне печально, заботами источено.

Афанасий Иванович повздыхал, прошепел на кухню водички попить и тут снова будто шебаршение какое услышал, за шкафом точно мыши возились.

«Вот проклятые, коты бы завести», – зевая, подумал Афанасий Иванович, да ведь хозяин-шельма не даст.

Он взгляделся в освещенный призрачным лунным светом угол, мышей не увидел, но заметил вчерашний портрет, лежал он уже на полу, уголком выглядывая из-за шкафа.

Афанасий Иванович тут же устыдился, как это он подарок самого Брюллова, щедрого его благодетеля, вот так вот неуважительно за шкаф? Надо бы его на стену завтра повесить, а пока вот хоть на стул приспособить, пусть стоит. И, утвердив надежно творение неизвестного мастера, снова отправился спать.

Второй раз Афанасий Иванович проснулся не сразу. Долго ворочался, кряхтел во сне. Мучило его какое-то беспокойство, и, наконец, проснулся с явным ощущением, что в комнате кто-то есть посторонний. Он снова сел на кровати и огляделся.

В комнате, как и следовало ожидать, никого не было, только противный старикашка таращился на него с портрета. Афанасий Иванович поежился под этим взглядом, сплюнул через плечо и, повернувшись на другой бок, попытался опять заснуть.

Но в голову ему теперь лезли беспокойные мысли. Как хорошо иметь деньги. Вот сегодня без всяких проволочек позвал доктора. И в лавке рассчитался. И еды всякой накупил, а еще надо бы девочкам ботинки справить, а хорошо бы Уленьке к именинам новое платье подарить. Да уж, какое тут платье, когда не сегодня завтра деньги, выданные Брюлловым, закончатся. И опять будешь думать, чем семью прокормить, как бы копейку заработать.

На глаза Афанасия Ивановича навернулись слезы. Так стало жаль себя, девочек, Мишеньку, жену свою Уленьку, даже сердце резануло. А все нищета проклятая. Ведь так и проживут они свой век, радости не познав, в бедности и унижении. А вот как бы было чудесно получить какой-нибудь заказик, тысячи этак на три... А потом еще... Купить свой домик, с садиком, а может, и в два этажа, и тогда можно было бы первый этаж сдавать и даже доход свой иметь.

Размечтался Афанасий Иванович, и так это ему все живо да сладко представилось, но мечта его прервалась в самом чудесном месте, когда они всей семьей в весеннем саду под яблоней чай садились пить.

Отвлек его от сладких дум явственный шорох в комнате.

Афанасий Иванович, ругая мышей, повернулся на кровати и с ужасом уставился на портрет.

Старик, уперевшись костлявыми пальцами в края рамы, вылезал из портрета! Афанасий Иванович почувствовал, как весь покрывается ледяным потом.

«Господи, спаси и сохрани!» – бормотал он немеющими губами. А потом, кажется, потерял сознание.

Очнулся Афанасий Иванович, видно, скоро, потому что свет луны, лившийся сквозь неплотно задернутые занавески, едва переместился на стене.

В комнате было тихо, мирно спала под боком Уленька, и он, утерев пот со лба, с облегчением выдохнул и перекрестился.

– Привидится же такое, – пробормотал Афанасий Иванович и, повернув голову, тотчас увидел сидящего у него в ногах мерзкого старикашку.

Тот сидел молча, сосредоточенно пересчитывая пачку замусоленных банкнот в руке, а за ней, достав из-за пазухи, другую-третью, пересчитав, аккуратно перетягивал их веревочкой и доставал новую.

У Афанасия Ивановича даже руки зачесались, такого богатства он отродясь не видал, это ж у старичка небось не одна тысяча припрятана. Он даже думать забыл, откуда взялся этот старик, только на деньги смотрел, и, когда одна пачка, соскользнув с вершушки стопочки, почти беззвучно шлепнулась на пол, не утерпел и, выпростав руку из-под одеяла, схватил ее и прижал к груди.

Старичок на него и не глянул, а только собрал свое богатство, сунул за пазуху выношенного шлафрока, подпоясанного простой веревкой, и зашлепал назад в картину. Кряхтя, залез в нее, точно это дело было совершенно обычное, и только тут взглянул на Афанасия Ивановича цепким, проникающим до самых костей взглядом. Тут Афанасий Иванович второй раз потерял сознание и пришел в себя только два дня спустя.

Уленька сказала, наверное, от Миши заразился. Мальчик-то уже совсем оправился и быстро на поправку шел. А Афанасий Иванович, лежа в постели слабый от жару и лихорадки, с радостью понимал, что весь кошмар со стариком и портретом ему просто в бреду привиделся, хотя денег, конечно, было жалко. Рука его до сих пор ощущала их плотную тяжесть.

Ну да что уж поделаешь. Помечталось, и будет. А портрет Уленька в чулан убрала, сказала, дети его побаиваются. Потому как старик с портрета все время следит за ними, и глаза у него совсем живые и недобрые.

А вечером того же дня Афанасий Иванович уже с постели встал чаю со всеми выпить, появился к ним вдруг старинный его знакомец, еще по Академии соученик бывший, Аполлон Доможиров. Щеголь, болтун, баловень судьбы.

– Здравствуй, дружище. Извини, что вот так вдруг, без приглашения, – с порога кинулся к растерявшемуся Афанасию Ивановичу. – Это вот вам, хозяйюшка, примите в знак величайшего! – с поклоном протянул он Уленьке корзину с фруктами. – Афанасий, друг, выручай, на тебя вся надежда! – без дальнейших предисловий кинулся в ноги Аполлон.

Афанасий Иванович только глазами моргал. Спятил он, что ли? Какое выручай? Чем? Неужто не видно, что у них не то что займы, сами с хлеба на воду перебиваются?

Но Аполлон, смущения хозяина не замечал, тарыхтел себе дальше, уже устроившись за столом:

– Ты понимаешь, Афанасий, какое дело вышло? Чистая ерунда, – с досадой размахивал Аполлон руками. – Был я вчера в театре с одной лихой компанией, потом в ресторан, как водится, поехали, там упились в дым, пардон, – поклонился он хозяйке. – И я в полном беспмятстве пообещал одному сермяжному купчине то ли из Калуги, то ли из Твери, пес знает, откуда он взялся! Вот такая парсуна! – показал руками Аполлон. – Медведя может голыми руками завалить. Ей-ей. Так вот. Подрядился я спяну портрет его писать. И даже деньги вперед взял! Три тысячи червонцами! – закатывая в отчаянии глаза, стонал художник. – А утром проснулся, протрезвел, напомнили мне, я так в ужас и пришел. Я, Аполлон Доможиров, купецкую морду писать?! – Афанасий Иванович только и мог, что повторять про себя как зачарованный «три тысячи!» – Ну, собрался, помчался к нему на какой-то постоялый двор, стал деньги назад совать. Мол, извини, погорячился, мол, не взъищи, честь, конечно, большая, но возможности никакой нет. А он ни в какую, пиши или зашибу, а не зашибу – так засужу. А мне что делать? Я бы уж и рад, но ведь и правда не могу. Портрет князя Назимова с семьей писать должен, и так уж затянул сверх всякой меры. И куда деваться? Вот и пришлось пообещать, что напишет его другой известный на весь Петербург художник, про которого даже в газетах пишут, Афанасий Иванович Пичугин, собственной персоной.

– Да кто же про меня писал, когда? – вытаращился на приятеля Афанасий Иванович.

– О том не беспокойся, я от купчины этого сразу же в редакцию, у меня там знакомства, статейку о тебе написал, сегодня вечером в печати выйдет. А ты уж, Афанасий, не выдай, будь другом, напиши ты этого купца, а? Я ведь ему и деньги вернуть хотел, и сверху доплатить, он ни в какую! А ты сможешь, а? У тебя же всегда кисть легкая была, и портреты выходили выразительные, да и купец этот не велик знаток. Ему главное, чтоб покрасивее, да чтоб борода попышнее, знаю я их. Три тысячи, Афанасий, а? Соглашайся? – доставая из-за пазухи пухлую пачку, завернутую в газету, уговаривал Аполлон. – Все до последней копейки, что от этого узурпатора получил, можешь пересчитать, а потом сам у него проверить!

Афанасий Иванович мельком взглянул на жену. Уленька стояла у окошка с корзинкой в руках, с восторженным ужасом глядя на гостя. Три тысячи!

– Да, я готов, – робко поговорил Афанасий Иванович. – Да кто же меня за известного в столице художника примет? – скосив глаза на свой заношенный спортуик, пробормотал художник.

– Предусмотрел! – радостно воскликнул Аполлон и выскочил в переднюю, откуда вернулся с узлом. – Вот, взгляни, мой костюм, не новый, конечно, уж не взъищи, но я уверен, будет тебе впору. Тут и галстук, и сорочка, все как есть. А? А писать ты его будешь в гостинице, завтра в полдень он тебя ждать будет. Вот и адресок я тут написал. Конеч, конечно, не ближний, но все ж три тысячи, а работа, можно сказать, пустяковая, ты, главное – не усердствуй, свет, там, ракурсы и прочее, душа опять-таки, им это не очень надо. Занавес бархатный побогаче напиши и еще чего, для антуражу, – суетился Аполлон, натягивая на Афанасия Ивановича свой спортуик тонкого сукна. – А уж я тебя отрекомендовал, в лучшем виде.

Вот так все и пошло. С этого самого купца да с Аполлона. Один портрет за другим, вот и домик уже появился свой с садиком на Васильевском острове, а потом особнячок. Выезд свой появился. Капиталец стал образовываться. Жизнь потекла приятная, размеренная, с излишествами, о коих ни он, ни Уленька и мечтать не могли. Даже за границу сподобились выехать всем семейством на воды. Карл Павлович к тому времени уж давно умер, но благодарный Афанасий Иванович не раз поминал его добрым словом да молебен в день именин каждый год заказывал. Ведь спас его, можно сказать, Великий Карл, спас. А то, что работы Афанасия Ивановича гением не дышат? Ну, так что ж тут поделаешь, не всем дано. Зато живут сытно. Да еще появился в окружении Афанасия Ивановича Платон Коробков. Как, откуда, тихо так прокрался в дом, с ласковыми речами, кроткими взглядами, шутками да прибаутками, а только Афанасий Иванович нет-нет, да и приметит за кротким взглядом да веселой шуткой алчный огонек, да завистливую гримасу, а чтоб от Коробкова избавиться, очень уж навязчив да пронзлив оказался, швейцара себе завел, здоровенного, грозного детину с черной окладистой бородищей. Даже дети его первое время пугались.

А портрет, подаренный Брюлловым, Афанасий Иванович всегда держит в кабинете, не на виду. Боже упаси. В сторонке. И старичок этот хоть и не пугает, как прежде, а нет-нет, да и явится Афанасию Ивановичу, посидит в изножье кровати, пожует беззвучно губами, словно напомнить о чем-то хочет. Вот только о чем?

19 июня 2019 года, Санкт-Петербург

«Вчера в Петербурге в собственной квартире был найден убитым видный деятель искусства, заслуженный художник России, профессор Санкт-Петербургской Академии художеств Михаил Андреевич Пичугин.

Представитель известнейшей в России династии живописцев, человек, внесший беспрецедентный вклад в развитие Российского...»
Городской телеканал, Санкт-Петербург, «Вечерние новости»

«Вчера при попытке ограбления в собственной квартире был убит профессор Академии художеств, заслуженный художник России Михаил Андреевич Пичугин. Следствие ведется...»
Семнадцатый канал, Санкт-Петербург, «Криминальные новости»

Глава 1

14 мая 1925 года, Ленинград

– Ну как же ничего ценного? – отняла от лица платочек гражданка Пичугина, с укором взглянув на мужа. – А моя шуба? А у Лелечки? Стыдно сказать, все белье пропало! Это какой-то извращенец орудовал, не иначе.

– Муся, прекрати, мне, ей-богу, стыдно перед товарищами из милиции. Шуба котиковая, велика ценность! Мы же не буржуи какие-нибудь, проживем и без шубы, все равно старая была, еще от тещи-покойницы по наследству досталась, – громко, выразительно глядя на супругу, объяснял обстановку Николай Михайлович Пичугин. – А из денег два червонца пропало. На черный день откладывали, – скорбно сообщил отец семейства.

– Понятно, – покивал невысокий чернявый милиционер в поношенной гимнастерке, с наганом за поясом.

Казалось, он вовсе не слушает Николая Михайловича, полностью погружившись в созерцание. Посмотреть было на что. При всеобщей политике уплотнения семейство Пичугиных проживало в отдельной квартире из шести комнат. Хорошо меблированной, со всякими финтифлюшками. Буржуйская, одним словом, была квартира.

– А вы думаете, что мы из всяких там бывших, да? – тут же ухватил его мысль хозяин квартиры. – Уверяю вас, что это не так. Совершеннейшим образом не так. Мой отец и мой дед были живописцами. Выбились из самых низов. Деда моего за большой талант в Академию художеств приняли на стипендию, своих средств на обучение не было. И он, знаете ли, там вместе с Тарасом Шевченко учился, а тот и вовсе крепостным был. И потом бедствовали! Да. Нищенствовали, можно сказать, – горячо рассказывал Николай Михайлович. – И только под конец жизни талант деда был признан обществом и вознагражден. И все, что вы видите, это все еще дедом заработано. Отец мой тоже всю жизнь с кистью в руке. И я вот, грешный, по их стопам пошел. Хоть таланта выдающегося, может, и не имею. Впрочем, не мне судить, – скромно проговорил Николай Михайлович, выпячивая грудь и упирая в нее подбородок. – Но, однако же, большое полотно для ПЕПО недавно закончил. Являюсь членом ГИНХУКа, Государственного института художественной культуры. А недавно по поручению самого товарища Бадаева, – тут Николай Михайлович поднял вверх палец, – я оформлял столовую кооператива рабочих центрального района. А еще регулярно по заданию Санпросвета выполняю плакаты. Мой плакат «Трудовые руки не боятся мыла!» даже на проспекте 25 Октября был представлен. А недавно, тем же товарищем Бадаевым, мне поручено написать портрет товарища Владимира Ильича Ленина! Для его личного кабинета.

Речь хозяина квартиры произвела на визитеров должное впечатление. Взгляд милиционера с наганом смягчился. И, прощаясь с хозяевами, он даже протянул Николаю Михайловичу руку.

– Что ж, товарищ Пичугин, опись украденного у нас имеется, ворышки наверняка пожелают сбыть вещи, тут-то мы их и сцапаем. Не сомневайтесь, – твердо пообещал он, кивнул своим товарищам, и они покинули ограбленную квартиру.

– Уф, – выдохнул с облегчением Николай Михайлович, затем поднял на жену страдальческий взгляд: – Муся! Муся! Зачем ты их позвала?

– А что же делать, прикажешь? – тут же прекратила горький плач Мария Григорьевна. – Ты на два дня уехал, Леля в университете, Андрюша в школе, Клава у тетки в деревне, сам ей отпуск дал, я на рынок ушла, возвращаюсь, а тут!.. Ты только взгляни, что творится в квартире!

В квартире действительно творилось что-то ужасное. Мебель была перевернута. Шкафы распахнуты. Ящики комодов вывернуты, белье на полу. Вилки-ложки разбросаны по комнате.

– Хорошо, посуду не побили, – порадовалась Мария Григорьевна.

– Хорошо, что серебро припрятали как следует, – поддакнул Николай Михайлович.

– Да уж. Не из-за двадцати же рублей и шубы они тут все перевернули? – озабоченно проговорила Мария Григорьевна.

– Да. Наверяд ли. Может, навел кто? Я же на той неделе деньги получил за заказ для шляпной мастерской.

– Коля, это всего семьдесят рублей!

– Да, не то, – озабоченно потер лоб Николай Михайлович. – Но все же не стоило тебе вызывать милицию. Ни к чему в дом посторонних водить. Сама знаешь, какая сейчас обстановка в городе с этим уплотнением, того и гляди поделят каких-нибудь. Наплачемся.

– Ну что, Поликарп Петрович, что там у этого ограбленного художника, Пичугина, кажется? – поинтересовался начальник Первой бригады Уголовного розыска Павел Гаврилович Громов.

– Да, на первый взгляд ничего особенного. Залезли воры, украли двадцать рублей, шубу хозяйскую из котика, а у дочки шесть пар шелкового белья.

– Ну, ты подумай, какой нынче тонкий вкус у домушников, – усмехнулся Павел Гаврилович.

– Вот-вот.

– А что же странного вы обнаружили?

– Станным было то, что квартира вся перевернута вверх дном.

– Ну, что ж тут странного? Наверное, деньги искали, драгоценности. Вы же знаете, народ их куда только не прячет, – нисколько не впечатлился Павел Гаврилович.

– Да. И все же. Воры, например, пропустили несколько занятных вещишек в квартире. Например, меховую горжетку. Или, скажем, платье креп-жоржет. А уж сколько в квартире всяких безделушек...

– Ну а что сами хозяева говорят?

– Квартиру ограбили днем, когда никого дома не было. Первой вернулась хозяйка, она и вызвала милицию. К нашему приезду она обнаружила пропажу, но ничего особенного в случившемся не усмотрела. Далее вернулся хозяин, при нас вернулся. Его вообще в городе два дня не было, ездил с группой Санпросвета в Кронштадт. Очень оборотистый гражданин. Он и в Институте культуры, он и у товарища Бадаева по личному его заказу что-то там рисует, и для Санпросвета плакаты, и еще невесть что. А дед его вместе с Тарасом Шевченко в Академии художеств учился.

– Да что ты? – заинтересовался более просвещенный Павел Гаврилович. – Как, говоришь, этого художника фамилия?

– Пичугин Николай Михайлович.

– Пичугин, Пичугин... Нет, не слыхал. Ну и что же хозяин?

– Как мне показалось, был очень недоволен тем, что жена милицию вызвала. Всячески давал понять, что дело пустяковое. Шуба старая, белье дочкино, это вообще смешно, да и двадцать рублей... шут с ними. Нервничал. А с другой стороны, я в это время их хоромы разглядывал. Их, видишь ли, четверо плюс кухарка в отдельной шестикомнатной квартире проживают. Это при том, что многие граждане в подвалах да бараках теснятся.

– Ах вот оно что. Ну, может, ты его и правда напугал. А квартира эта им еще до революции принадлежала?

– Ага.

– *Наведи-ка ты справки про это семейство, про деда и так далее. На всякий случай. Ну а барахло надо поискать на толкучках, да в кабаках на Лиговке, да по малинам. Вон Андриюху Соломина пошли, у него там много знакомцев, отыщут.*

– *Павел Гаврилович, сегодня ночью была ограблена контора «Кишпромторга» на Гороховой, – на следующий день, утром, докладывал ему Поликарп Петрович, дежуривший в ночь по Уголовному розыску.*

– *Докладывайте, – кивнул, уstraиваясь за столом, Павел Гаврилович.*

– *Контора располагается во втором этаже трехэтажного особняка на Гороховой. На первом этаже винная лавка, держит китаец Хао Чан. Сторожа в «Кишпромторге» нет, не та выручка. Так что залезли ночью, взломали дверь, сняли попросту с петель, вошли в контору, сейф вскрыть не смогли, все разорили, даже кое-где стены попортили, потом вскрыли заделанный проем в полу, при прежних владельцах там была лестница винтовая, залезли в лавку. Денег китаец в магазине на ночь не оставляет, у него даже сейфа нет, в кассе тоже было пусто, так что побили бутылки, икафы от стен отодвинули. Унесли штук пятнадцать бутылок, глыбу шоколада. Еще кое-что по мелочи, больше напортили, чем украли, и ушли через второй этаж, – коротко, четко доложил Поликарп Петрович.*

– *Гм... Считаешь, действовали дилетанты?*

– *Думаю, да. Полезли наобум, толком не подготовились, даже сейф вскрыть не смогли.*

– *Может, молодняк зубы пробует? – потер подбородок Павел Гаврилович.*

– *Может, и так. Только нагадили большие, чем украли, теперь в конторе ремонта за государственный счет ого-го сколько. Можно за порчу государственного имущества привлечь, а?*

– *Слушай, Поликарп, а мне вот в голову идея какая пришла. А кому этот особняк до революции принадлежал?*

– *Не знаю.*

– *А ты выясни. Может, наследники явились добро припрятанное забрать. Или кто-то из уголовных элементов пронюхал о кладе. Уточни в жилищном хозяйстве.*

– *Есть.*

– *Ну а по делу Пичугина что? Разыскали шелковые панталоны?*

– *Пока нет. Но Андрей говорил, панталоны вор мог для своей крали прихватить, тогда их не отыщешь, не будешь же всем девицам юбки задирать. Шуба тоже пока не всплыла. Ну а с деньгами и так все ясно. Двадцать рублей – не велика добыча. Пропили уже небось.*

– *Это верно. Ладно, иди работай.*

Работы в городе было много, и, хотя в последнее время крупных бандитских нападений в Ленинграде не случалось, все же хорошо они поработали в последние годы, подчистили всякие элементы, засадили в тюрьмы, кого-то расстреляли, кто-то из бандитов погиб при задержании, как Ванька Сибирцев. Но все же лихих людей пока хватало. Разбойные нападения, ограбления и даже убийства еще случались в их славном городе, а значит, надо бороться дальше, размышлял Поликарп Петрович, размашисто шагая по Садовой улице в сторону Гороховой.

Председателя домового комитета некоего товарища Штучкина, мелкого, суетливого, в кожаной, с трудом сходявшейся на его упитанном животике куртке, он разыскал не без труда. По свидетельствам жильцов, в помещении комитета застать его было сложно, он обожал обходить вверенный ему дом с флигелями и пристройками. И действительно, облизав все чердаки, обойдя все окрестные подвалы и лавки, Поликарп Петрович обнаружил неувольного председателя мирно беседующим с дворником в подворотне.

– *Из милиции, ко мне? – слегка побледнел товарищ Штучкин. – Это, позвольте, по какому вопросу, не насчет ли ремонта крыши? Нет? А, да, дрова, вероятно? – не трогаясь с места, принялся перебирать председатель, предварительно мигнув дворнику, чтоб тот исчез.*

– Нет. Хватит гадать, гражданин, пройдемте к вам в контору, там и побеседуем.

– Итак, меня интересует вопрос, кто при старом режиме владел этим домом? – по-хозяйски устраиваясь возле стола председателя, спросил Поликарп Петрович.

Штучкин ему не нравился. Мелкий жулик и враль, но к делу, которое расследовал Поликарп Петрович, этот факт отношения не имел.

– Ах, вот вы о чем! – радостно воскликнул Штучкин, продолжая лебезить перед посетителем. – А это проще простого. Когда-то этот дом целиком вместе с флигелями принадлежал одному известному живописцу по фамилии Пичугин, затем его сыну, тоже живописцу. Сами они проживали в фасадной части дома, а флигели сдавали внаем. Отец занимал первый этаж, сын с семейством – второй. На третьем у них была мастерская. Еще во дворе слева имеются конюшни, там же каретный и дровяной сарай. Потом старый художник умер, весь дом отошел к сыну. Это еще в прошлом веке было.

– А вы откуда так хорошо все знаете?

– А мой дед у них изволил камердинером служить. Сами мы всегда вон в том флигеле на втором этаже квартировали. Так вот, сын, значит, скончался в восемнадцатом году. Убили его. Время было беспокойное, убили ночью, кто – неизвестно. Жена умерла еще раньше, а его сын, внук то есть первого того художника, жил отдельно, квартира у него была своя, где, точно не скажу. Внука того звали Николай Михайлович. Это я точно знаю, мы с ним в детстве иногда играли во дворе. Он и отца к себе забрать хотел после революции. Брось, говорит, все, переезжай. А тот ни в какую. Мать моя тогда у сына, то есть у отца, ну, в общем, у Михаила Афанасьевича, кухаркой служила. И даже не кухаркой. А так, по дому. Хозяйство у него к тому времени совсем маленькое было, – искательно улыбаясь, рассказывал председатель. – В общем-то мать моя его и нашла. А еще у Михаила Афанасьевича три дочери были старшие, сын-то последним родился, от второй супруги, первая еще раньше умерла. Вот. Где дочери сейчас, не скажу. Потому как давно повыходили замуж, может, и за границу сбежали. А сын вроде здесь, квартира у него была возле самого Таврического сада, на Сергиевской улице, Чайковского по-новому, – услужливо трещал председатель.

Поликарпу Петровичу стоило большого труда не выдать свое волнение. Пичугины, значит! До чего у Павла Гавриловича нюх, никогда не подводит, как в воду глядел.

– Ну а еще у Пичугиных недвижимое имущество в городе имелось?

– Еще? – с удивлением спросил председатель. – Дача была, в районе Белоострова, где, точно не скажу. Мы там с матушкой не бывали. А больше вроде и ничего.

– А почему же Николай Пичугин съехал из особняка, не захотел жить с папашей. Дом-то вроде огромный?

– А вот точно не знаю. Но вроде не ладили они на почве искусства. Младший Пичугин гением себя мнил, за деньги портреты писать отказывался, хотел прославиться. Но куда ему, таланта не хватило, – мelenько посмеиваясь, с удовольствием заметил гражданин Штучкин. – Вот на этой почве и съехал. Но перед самой революцией помирились. Хотя съезжаться обратно и не стали.

– Вот, значит, как. Значит, оба нападения были не случайны, – выслушав рассказ Поликарпа Петровича, заключил начальник Первой бригады Павел Гаврилович Громов. – Ну что ж, это уже что-то. Кстати, сколько человек орудовало в обоих случаях, удалось установить?

– Судя по всему, не меньше двух. На улице Сергиевской, простите, на Чайковского, дворничиха припомнила, что несколько дней возле их дома крутился какой-то тип. С виду приличный, среднего роста, лет около сорока, в кепке, пиджаке, ничего особенного. Дворничиха его только издали видела. Он напротив дома Пичугиных прогуливался. Три дома туда, три сюда. И все это среди бела дня, вот она и не волновалась. Кто же при свете дня худое задумает?

– Действительно. Значит, воры наши – не дураки. По крайней мере, один из них. А что ты вообще думаешь по этому делу? – доставая из ящичка стола кулечек сахара и банку с чаем, спросил Павел Гаврилович. – Извини, не обедал сегодня, хоть чаю попить. Будешь со мной за компанию?

– Давайте, я тоже как-то про обед забыл.

– Тогда бери стаканы и иди к дежурному за кипятком, а я хлеб нарежу. У меня тут свежая краюшка имеется, – расплываясь в довольной улыбке, распорядился Павел Гаврилович.

– Так вот, по поводу пичугинского дела, – неспешно прихлебывая горячий чай, проговорил Поликарп Петрович. – Думаю я, что старый художник, отец нынешнего Пичугина, припрятал какие-то ценности, и об этом стало известно кому-то. Может, из бывшей прислуги кто-то за кладом охотится или родственники какие-то. Может, скажем, его внуки или дочери, а может, и зятья. Выяснить местонахождение всех членов семейства Пичугиных я еще не успел.

– Ну а этот хитрый тип, председатель жилищного комитета, он что? Его не подозреваешь?

– Честно говоря, нет. Если бы он знал о кладе, уже давно бы его забрал после смерти хозяина, старого Пичугина. Дом некоторое время пустовал. А Штучкин этот все ходы-выходы в доме знает. Мог бы это дело по-тихому проверить.

– Также верно. Значит, надо искать родственников и прислугу. Ну и к Николаю Пичугину тоже присмотришь. Конечно, сам он свою квартиру разорять бы не стал, но, может, в его окружении есть люди, которые могли пронюхать семейную тайну и специально трутся возле них?

– Также верно. Но сперва спрошу его, что могли искать в старом доме его отца. А заодно посмотрю в архиве, нет ли там сведений по делу об убийстве Пичугина-старшего, хотя в то время документация велась из рук вон плохо.

– А ты знаешь что? Поговори-ка ты с Яном Карловичем, он как до революции начал в розыске служить, так, считай, и не прекращал ни на день. И в революцию, и в Гражданскую всегда на посту. Поговори с ним, может, вспомнит? Он из старых спецов, у него память на такие дела феноменальная.

– Дом Пичугина на Гороховой? Когда, говорите, это было? – отложив папку с документами в сторону и привычно расправляя седую, щеголеватую бородку, переспросил Ян Карлович.

– В восемнадцатом, а вот месяц я не сообразил спросить, – виновато пояснил Поликарп Петрович. – А дом такой желтый, трехэтажный. С таким треугольником на фасаде и с колоннами на втором этаже, там вроде что-то типа балкона, – припоминал он вид пичугинского дома.

– Это, получается, за Мойкой? – уточнил старый сыщик.

– Ну да. Между Мойкой и Садовой.

– А вы знаете, Поликарп Петрович, – вскинул голову старик, довольно посверкивая глазами, – вспомнил! Это было поздней осенью. Было жутко промозгло, сутки напролет шел снег с дождем, дров почти не было, все мы грелись возле одной горячей печки, тут же готовили еду. Сушили одежду. Запах в помещении, скажу я вам, был ужасающий... – погрузился в воспоминания Ян Карлович. – Да. Унесло меня куда-то в сторону, – смутился он, виновато улыбаясь. – Так вот, Пичугина убили в собственном доме, ударом в висок. У него такое тяжелое пресс-папье имелось из яшмы, им и убили. Убили ночью. Старик жил один, кухарка и дворник обитали в собственных помещениях. Кухарка его утром и нашла. Лежал он посреди кабинета, раскинув руки, с раной на голове. Что характерно, замки в доме взломаны не были, стекла не разбиты. Значит, скорее всего хозяин сам впустил своего убийцу. Далее, все в доме было пере-

вернуто вверх дном, но, по свидетельству кухарки, пожить в доме было нечем, потому как покойного хозяина несколько раз посещали товарищи с мандатами и все ценное, что было в доме, драгоценности, золото, серебро, деньги, давно экспроприировали. Но гость Пичугина все же что-то в доме настойчиво искал. Дело мы тогда так и не раскрыли. Мало ли в то время в городе всякого сброду бесчинствовало? Отпечатки пальцев на месте преступления мы «сняли», но в нашей картотеке обладатель их не значился. Одно время подозревали дворника и кухарку. И даже сына покойного, но ни улик, ни доказательств против них собрать не удалось. Да и мотивов у них не было. Так оно и осталось нераскрытым. А почему вы, Поликарп Петрович, заинтересовались этим делом?

– А вот, Ян Карлович, какая петрушка. Несколько дней назад была ограблена квартира Николая Михайловича Пичугина, сына того самого. Взяли так, ерунду, но вся квартира вверх дном перевернута. А вчера ограбили контору «Кишпромторга», которая располагается во втором этаже того самого дома на Гороховой, что принадлежал старику Пичугину. Взяли опять-таки суцую ерунду, но все в конторе и в лавке на первом этаже перевернуто, даже стены попорчены.

– Значит, вы считаете, что эти два дела могут быть связаны?

– А вам так не кажется?

– Безусловно, связь просматривается. Создается впечатление, что кто-то настойчиво ищет что-то в домах Пичугиных.

– Именно. В нашем случае грабителей было как минимум двое.

– Ну, это объяснимо, убийца старого Пичугина, если это, конечно, он орудует, мог найти себе компаньона. А пальчики вам удалось снять?

– Да, отпечатки имеются.

– А давайте-ка попробуем сравнить ваши образцы с отпечатками из старого дела. Конечно, в те годы отчетность велась крайне небрежно, но картотеку я вел очень тщательно.

– Спасибо, Ян Карлович. А я хочу побеседовать с Николаем Пичугиным, должен же он знать, за чем именно охотятся бандиты.

– Думаю, должен, и побеседовать, безусловно, стоит. Вопрос в другом, пожелает ли он быть откровенным, – с сомнением проговорил старший спец.

– Но допросить его все же стоит.

– И, может даже, понаблюдать. Все же, согласитесь, Поликарп Петрович, что преступник проявляет завидную настойчивость. Потерпев неудачу в восемнадцатом году, он решил повторить попытку в двадцать пятом. И кстати, почему такой большой перерыв? Он был в отъезде? Сидел? Или просто выжидал подходящего случая?

– Да, есть над чем подумать. А кстати, у Николая Пичугина имеются три старшие сестры, по старому делу они у вас не проходили?

– Нет. Одна из сестер проживала с мужем в Москве. И насколько нам удалось установить, ни она, ни супруг Первопрестольной не покидали. Вторая сестра была замужем за художником, учеником отца, проживала на Васильевском острове в казенной квартире Академии художеств. И у нее, и у супруга на момент убийства было алиби, оба были тяжело больны. А вот что касается третьей сестры, самой младшей, ее местонахождение установить не удалось. Ее муж был коммерсантом. Еще летом восемнадцатого они куда-то бесследно исчезли вместе с сыном. Никому из родственников об их судьбе ничего известно не было. Вот так.

– Спасибо. Значит, имеет смысл разыскать всех троих, – сделал себе заметку Поликарп Петрович.

– Попробуйте, коллега. Попробуйте.

Глава 2

20 мая 1925 года, Ленинград

Леля Пичугина шагала по улице, с удовольствием ловя на себе восхищенные взгляды проходящих мимо мужчин и еще внимательнее проезжающих. Веселые бесшабашные рабфаковцы, с белозубыми улыбками, в дырявых итиблетах и с пустыми карманами, не привлекали избалованную Лелечку. Что с ними делать? Семечки лузгать да по подворотням целоваться. Мерси.

Нет, Лелечку привлекали кавалеры состоятельные, а таких вокруг нее было достаточно. Леля Пичугина была девушкой спелой, пышной и к тому же хорошо одетой. Главной слабостью Лели было шелковое белье, она глубоко и искренне сочувствовала тем несчастным, что были вынуждены ежедневно облачаться в безобразные бумазейные панталоны, лишенные всякого изящества и утонченности, и носить безвкусные, бесформенные ситцевые сорочки, уродующие фигуру. Так что вор, похитивший большую часть драгоценного Лелечкиного белья, нанес болезненный удар по ее гардеробу.

Стоило подумать, как вернуть утраченное. Нет, не отобрать у ворюшки, а приобрести новое. Папенька тратиться отказался. Он отчего-то ужасно испугался милиции, велел всем сидеть тихо, не высовываться, денег не тратить, одеваться скромнее. Даже мясо запретил на рынке покупать, велел обходиться селедкой.

До селедки Леле дела не было, а вот белье...

Надо было искать выход, и в принципе он имелся: давний поклонник Лева Людиновсков. Его папа имел собственное дело, какое точно, Леля не знала, но определенно весьма прибыльное, кажется, магазин или даже два магазина. У Левы были деньги, он обожал Лелю и всегда был готов осыпать ее подарками. Но вот незадача. Именно сегодня вдруг выяснилось, что кассир Левиного папы ограбил кассу и сбежал в Ялту с какой-то красоткой. Их уже ищут, но папа страшно рассердился, сказал, что ему надоело содержать такую прорву дармоедов, у Левы еще имелся младший брат, и твердо решил женить Леву на дочери хозяина ювелирной лавки Фиме Бляхерович. Совершенно неэффективной толстозадой девичке с бородавкой под носом, к тому же старой, осенью ей исполнилось двадцать пять. На фоне перечисленных недостатков у Фимы имелось единственное, но очень весомое достоинство. Ее приданое.

Лева безутешно рыдал, положив кудрявую голову на Лелины колени, клялся в вечной любви и что скорее умрет, чем женится на этой корове. Увы, Левин папа тоже закусил удила и перекрыл сыну всяческое финансирование.

Придется дать Леве отставку и подыскать ему достойную замену. Хотя найти такого состоятельного, сентиментального и наивного дураля, как Лева Людиновсков, дело непростое, размышляла Леля, постукивая каблучками модных заграничных туфель по асфальтовой мостовой. Юбка нового шелкового платья модного лавандового цвета игриво вилась вокруг ее ножек, легкое пальто подчеркивало стройность фигуры, а глазки озабоченно стреляли по сторонам.

Буйная весна, ворвавшаяся в город в венке из одуванчиков и с охапкой сирени в руках, располагала к романам. Душистые ветры носились по садам и скверам, кружа горожанам головы, чирикали как сумасшедшие воробьи, тенькали синицы, ворковали ошалелые от любовных игр голуби. Девушки хорошели, мужчины становились отчаянней и щедрее, кипели страсти, назначались свидания. Бурлила молодая кровь. А подхваченная весенним, дурманным водоворотом Лелечка спешила на свидание.

Леля Пичугина была девушкой в меру легкомысленной, в меру кокетливой и... в меру прагматичной, а потому совершенно ясно понимала, что только состоятельный муж раз и навсегда решит ее финансовые затруднения. Главное, правильно его выбрать, не сердцем, оно,

как известно, плохой советчик в важных делах, а умом. И кое-какие соображения на этот счет у Лели уже имелись.

– Лелечка! – протянул навстречу девушке охапку тюльпанов молодой стройный брюнет, в ладно сидящем модном костюме. – Вы прекрасны, как весенний рассвет! Как цветущая сирень, как эти небеса, как сама любовь! – склоняясь к Лелиной ручке со сдержанной страстью, проговорил кавалер.

Леля зарделась.

С кавалером Лелечка познакомилась несколько дней назад прямо на улице, он прошел за ней по пятам половину Невского, прежде чем решился заговорить. И вполне мог бы быть отвергнут, Леля была очень придирчива в выборе знакомых, но хороший модный костюм, шляпа и стильные ботинки явно импортного пошива говорили в его пользу и, разумеется, букет настоящих оранжевых цветов. Они познакомились.

Новый знакомый был молод, интересен собой, остроумен, в меру образован, а главное – богат! Он оказался не жмотом, а, напротив, коммерсантом, причем из Москвы.

Обедали они в «Англетере». Домой новый знакомый довез ее на авто. Вечером пригласил в кабаре «Хромой Джо», очень модное местечко! Он был щедр, галантен, влюблен, намекал на серьезность намерений и желал познакомиться с семьей. Леля уже планировала переезд в Москву к мужу и новый гардероб. Образ преданного, нескладного Левы стремительно таял в дымке прошлого.

– Николай Михайлович, где сейчас находятся ваши сестры?

– Мои сестры? – Казалось, его удивлению нет границ. Было заметно, что художник ожидал любого вопроса, кроме этого. – Но при чем здесь они?

– Скорее всего ни при чем, но таковы правила. Мы должны установить местонахождение всех членов семьи потерпевшего на момент совершения преступления, – доброжелательно пояснил Поликарп Петрович, намекая на незначительность вопроса.

– Ерунда какая-то, – недоуменно пожал плечами Пичугин. – Но извольте. Моя старшая сестра проживает с семьей в Москве, там она, очевидно, и находилась в день ограбления. Я не виделся с ней много лет, иногда мы шлем друг другу поздравительные открытки. Вторая моя сестра проживает на Васильевском острове, недалеко от Академии художеств, ее муж преподает живопись. У нас с сестрами большая разница в возрасте. Когда я родился, они уже были взрослыми барышнями, так что близких отношений между нами нет. Последний раз мы виделись год назад на Троицу, отстояли панихиду, потом посетили могилу отца. Но, знаете, должен вам честно признаться, не могу себе представить, чтобы моей сестре, ее мужу или племянникам пришло в голову украсть Лелины панталоны или шубу жены. Согласитесь, это абсурд, – многозначительно улыбнулся Поликарп Петровичу Пичугин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.